

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ НИВА

— ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ —
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Ю. М. СТЕКЛОВА

№ 28

Москва, 13 июля 1924 г.

№ 28

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЧЕХОВЫМ.

(К двадцатилетию со дня смерти писателя).

Очерк Н. Телешова.

I.

Я был еще юношей, когда впервые встретился с Антоном Павловичем Чеховым, в то время тоже еще молодым человеком и писателем только что замеченным. В эту осень вышла его первая книга рассказов «В сумерках», за подписью «Антон Чехов», а не «Чехонте», как раньше. Антон Павлович только что выпустил на настоящую литературу; критика о нем еще не решалась заговорить, но читатели уже интересовались им и сами его оценили.

Почти четверть века прошло с той поры до времени, когда мы всей Москвой провожали Чехова с Николаевского вокзала в Новодевичий монастырь — до его могилы. Много за этот срок было встреч у меня с ним, много бесед и разговоров, но при имени Чехова всегда вспоминаются мне две встречи: — первая и самая последняя. И два его образа: молодого, цветущего, и затем безнадежно больного — умирающего, накануне отъезда его за границу, откуда он уже не вернулся живым.

В своих воспоминаниях Куприн, между прочим, приводит такие слова Чехова обо мне: «Вы спросите Телешова: он вам расскажет, как мы с ним гуляли на свадьбе у Белоусова».

Именно на этой свадьбе мы и познакомились. Свадьба была веселая, шумная: много было молодежи; танцевали без отдыха — всю ночь.

В то время я был еще чужой в литературном мире и только что начинал печатать в маленьких журналах свои первые стихи и рассказы. Ни одного настоящего писателя в ту пору я еще не встречал лично. И вот в разгаре свадебной вечеринки меня кто-то подвел к молодому человеку с красивым лицом, с русской бородкой и ясными, точно смеющимися из-за стеклов глазками.

— Чехов.

Я уже знал его рассказы и любил их. Слышал также, что Григорьевич однажды сам пришел к Чехову познакомиться с ним, как с молодым товарищем, которому он пророчил славное будущее. Личное впечатление от прочитанных чеховских рассказов и первая в жизни встреча с «настоящим» писателем настроили меня восторженно. Хотелось сейчас же заговорить об его книге, о том новом в литературе, что он дает. Но Чехов предупредил меня иным, совершенно неожиданным вопросом:

— Вы в стуколку не играете?

— Нет.

— А со мной вот пришел Гиляровский. Жаждет поиграть в стуколку, да не знает с кем. Вы знаете Гиляровского? Дядю Гиляя?.. Да вот и он! — как говорят актеры в самых бездарных водевилях.

Подшел Гиляровский — ознакомились. В одной руке

Гиляровский держал открытую табакерку, другой посылал кому-то через всю комнату привет, говорил Чехову что-то рифмованное; в то же время глядел на меня, — но меня, кажется, не видел, занятый чем-то иным.

Не успели мы и двух слов сказать для первого знакомства, как загремела опять музыка, и меня потащили в залу танцевать.

— Идите, идите. А то барышни будут обижаться, — сказал мне вслед Антон Павлович.

На этом, может быть, и кончилось бы наше знакомство, если бы в конце ночи, после свадебного ужина, Чехов не подошел ко мне и не позвал с собою:

— Скоро утро. Пора уходить. Мы с Гилем надумали пойти чай пить в трактир. Хотите с нами? Скоро теперь трактиры откроются — для извозчиков.

И мы пошли.

Нас было четверо: приобщился к нам еще брат Чехова — Михаил Павлович, студент. Наняли двух извозчиков и поехали разыскивать извозничий трактир. В одном из переулков, действительно, засветились окна трактира. Зимнее утро только что начиналось. Было еще темно.

Трактир был грязный, дешевой.

— Это и хорошо, — сказал Чехов. — Если будем хорошие книжки писать, так в хороших ресторанах еще насидимся.

Сели за стол, за серую, непросохшую с вечера скатерть. Подали нам чай с лимоном. Но от кусочков лимона сильно пахло луком.

— Превосходно! — ликовал Антон Павлович. — А вот вы жалуетесь, — упрекнул он меня, — что сюжетов мало. — А это разве не сюжет?

Перед нашими глазами, помню, была грязная пустая стена, окрашенная масляной краской. На ней ничего не было, кроме сала и копоти, да на известном уровне широких темных пятен: это извозчики во время чаепития прислонялись к ней своими головами, жирно смазанными деревянным маслом по обыкновению того времени, и оставляли следы. С этой стены и пошел разговор о писательстве.

Портрет работы худ. Браза.

— Как так сюжетов нет? — настаивал на своем Чехов. — Да все сюжет, везде сюжет. Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней нет, кажется. Но вы взгляните в нее, — найдите в ней что-нибудь «свое», чего никто еще в ней не находил. И опишите это. Уверю, хороший рассказ получится. И о луке можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная! И будет интересно. Только надо угадать в ней что-нибудь «свое», а не чужое.

— А это разве не сюжет? — указал он в окошко на улицу, где уже светало. — Вон, смотрите, идет монах с книжкой собирать на колокол... Чего вам еще надобно?.. Монах...

черный... Разве не чувствуете, как сама завязывается хорошая тема?..

За чаем, который шибко припахивал луком, разговор перекидывался с литературы на жизнь, с серьезного на смешное. Чехов, между прочим, уверял, что никакой «детской» литературы нет.

— Какая же это детская? Это какая-то «собачья» литература, — шутил Антон Павлович, — и сам же вскоре написал Капитанку и Белолобого.

Гиларовский острил, забрасывал хлесткими экспромтами, и время летело незаметно. Стало уже совсем светло: улица оживилась. Мне было хорошо, весело, радостно. Как сейчас вижу молодое милое лицо Чехова, его улыбающиеся глаза. Таким жизнерадостным, как в эту первую встречу, я никогда уже Чехова не видал.

Посмеяться он любил. Много лет спустя, когда он был уже больным, я помню, как хохотал он у себя в ялтинском кабинете над одним из своих же давнишних рассказов. Бунин как-то спросил его: — А помните вы, Антон Павлович, рассказ Чехонте (такой-то)?.. Наверно, забыли? Давайте, я прочитаю вам вслух.

И он начал читать.

Трогательно было видеть, как Чехов сначала нахмурился (неловко было слушать свое же сочинение), потом стал улыбаться, а потом, по мере развития рассказа, трясся от хохота, но молча, стараясь сдержаться.

II.

Прошло более 20 лет.

Последняя наша встреча была накануне отъезда его за границу. Случилось так, что я зашел к нему днем, когда как раз в квартире не было никого, кроме прислуги. Перед отъ-

ездом было много всяких забот, и все близкие люди хлопотали без устали.

Я уже знал, что Чехов очень болен, очень плох, и решил занести ему только записку, чтоб не тревожить его. Но он нешел догнать меня и воротить с лестницы.

Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, но то, что я увидел, превосходило мои самые мрачные ожидания. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, маленький человек, с узким бескровным лицом — до того был худ и изнурен Антон Павлович. Никогда бы я не поверил, что возможно так измениться.

Жутко стало... А он протягивает слабую восковую руну, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

— Завтра уезжаю.. Прощайте. Еду умирать...

Он сказал более жесткое слово, которое резнуло меня по сердцу и которое не хочется сейчас повторить.

— Умирать еду. Все кончено... Поклонитесь от меня всем товарищам вашим по среде... Хороший народ у вас подобрался... Скажите им, что я их помню и некоторых очень люблю... Пожелайте им от меня счастья и успеха... Большие уже не встретимся.

Тяжело было глядеть в его глаза, в которых отражалась тихая сознательная покорность.

Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. И потому было действительно жутко. Я боялся заговорить в эти минуты полным голосом, боялся зашуметь сапогами... Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те немногие слова, которые были несомненно последними и исходили от чистого и прекрасного — чеховского сердца.